

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Обзор актуальной судебной арбитражной практики

Шайхеев Тимур Ильгизярович

Юрист

Статья представляет собой обзор актуальной судебной практики по спорам из договоров, делам по банкротству, процессуальным вопросам и спорам по налогам. Приводятся позиции, выводы судов, носящие универсальный характер и применимые к другим аналогичным спорам.

Ключевые слова: арбитражный суд, судебная практика, договор, добросовестность, форс-мажор, банкротство, арбитражный управляющий, досудебная претензия, налоги.

Писателю ничто не может доставить удовольствия столь великого,
как обнаружить, что его труды
почтительно цитируемы другими учеными авторами.

*Б. Франклин,
американский общественный деятель*

В данной статье рассматривается актуальная судебная практика по спорам из обязательственных, договорных правоотношений, по делам о банкротстве, процессуальным вопросам и спорам с участием налоговых органов.

Споры, возникающие из обязательственных и договорных отношений

Большой объем дел, рассматриваемых арбитражными судами, связан с обязательственными, договорными правоотношениями сторон.

Следует подчеркнуть, что понятие обязательства шире понятия договора, первое включает в себя второе. Обязательство может возникнуть не только из договора, но, к примеру, из причинения вреда. Даже ответственность контролирующих должника лиц по банкротным спорам в большинстве случаев есть не что иное, как ответственность за ненадлежащее исполнение ими обязательств по руководству организацией. Об этом свидетельствует приведенная в соответствующем разделе настоящей статьи судебная практика.

Но все же бо́льшая часть обязательств возникает прежде всего из сделок, договоров.

Положениями статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) предусмотрено, что граждане и юридические лица свободны в

заключении договора. Это подразумевает свободу заключать или не заключать договор, выбирать вид заключаемого договора (включая возможность заключения смешанного или непоименованного договора), определять условия договора по своему усмотрению.

Вместе с тем юридическое равенство сторон предполагает, что подобная **свобода договора не является абсолютной и имеет свои пределы**, которые обусловлены, в том числе, **недопущением грубого нарушения баланса интересов участников правоотношений**.

В случае умышленного пользования чужими денежными средствами исключение ответственности должника, предусмотренной пунктом 1 статьи 395 ГК РФ, не может быть обосновано принципом свободы договора, поскольку наличие такого преимущества у одной из сторон договора грубо нарушает баланс интересов сторон. В такой ситуации кредитор не получает своевременного вознаграждения за оказанные услуги, а должник не несет никакой имущественной ответственности за время просрочки (*определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации* (далее — СКЭС ВС РФ) от 14.07.20 № 306-ЭС20-2351).

В продолжение темы **о соотношении договора и закона** отметим, что они не только регулируют договорные правоотношения сторон, но и соревнуются между собой в определении объема прав участников договора.

Так, согласно судебной практике диспозитивный характер положений Федерального закона от 30.12.04 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» ограничен Законом Российской Федерации от 07.02.92 № 2300-1 «О защите прав потребителей», который гарантирует потребителям определенный объем их прав. Право на установление иных условий договора не может рассматриваться как основание к ограничению предусмотренных законом прав потребителя. Диспозитивность специальных норм, регулирующих отношения в области долевого строительства жилья, направлена прежде всего на защиту более слабой стороны отношений в строительстве, в частности физического лица — участника долевого строительства, и может применяться для установления большего объема прав, чем предусмотрено законодательством о защите прав потребителей, улучшая тем самым положение потребителя, а не ухудшая его (*определение СКЭС ВС РФ от 14.08.20 № 307-ЭС19-24320*).

Особой разновидностью договора являются учредительные документы юридического лица.

По смыслу пункта 1 статьи 12 Федерального закона от 08.02.98 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» в основе устава общества лежит товарищеское соглашение участников (учредителей), носящее в силу своей правовой природы гражданско-правовой характер. При этом устав

является сделкой и к нему применимы нормы гражданского законодательства о сделках, в том числе о решениях собраний, и об основаниях признания их недействительными.

Оспаривание изменений устава общества, утвержденных решением общего собрания, является, по существу, оспариванием указанного решения общего собрания участников общества, к которому должны применяться в системной взаимосвязи общие положения о сделках в части, не урегулированной правилами о решениях собраний и не противоречащей их существу.

Решение собрания об утверждении устава общества может быть признано ничтожным, если оно **посягает на публичные интересы** либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Одним из оснований ничтожности является **противоречие** устава **существу законодательного регулирования** (пункт 74 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.15 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Все правила, ограничивающие отчуждение доли в уставном капитале общества третьим лицам, включая право преимущественной покупки доли, могут быть изменены или полностью отменены уставом общества. Однако противоречием закону является ситуация запрета на выход участника из общества и лишение этого участника возможности возврата своих инвестиций (*определение СКЭС ВС РФ от 11.06.20 № 306-ЭС19-24912*).

Таким образом, учредительные документы юридического лица, равно как и договор, не должны нарушать императивные требования закона.

У сторон договора есть взаимные права и обязанности. При возникновении спора в первую очередь необходимо выяснить, кто из сторон первым нарушил исполнение своей обязанности. Это важно для защиты прав потерпевшей стороны, восстановления по возможности первоначального положения.

Например, в случае возврата покупателю уплаченной денежной суммы судом должен быть решен вопрос о передаче продавцу товара, поскольку сохранение этого имущества за покупателем после взыскания с продавца покупной цены означало бы нарушение согласованной сторонами **эквивалентности встречных предоставлений**. Кроме того, при расторжении договора вопрос о возврате товара разрешается независимо от предъявления продавцом соответствующего требования (*определение СКЭС ВС РФ от 18.08.20 № 309-ЭС20-9064*).

Данная позиция известна давно и распространяется как на арбитражные суды, так и на суды общей юрисдикции. Однако подобные ошибки продолжают встречаться на практике, особенно в тех случаях, когда требование о возврате товара сторонами не заявляется.

В другом деле судом отмечается, что специальным законодательством об обязательствах, возникающих из договора о развитии территории, не предусмотрена обязанность застройщика исполнять договор о развитии застроенной территории без встречного предоставления со стороны контрагента — муниципального образования, иначе исполнение обязательства застройщика превращалось бы в дарение. Если муниципальное образование не в состоянии предоставить территорию для застройки, оно не может требовать от инвестора-застройщика исполнения обязательства в натуре — передачи в муниципальную собственность благоустроенных квартир. В таком случае застройщик вправе не осуществлять строительство каких-либо капитальных объектов, а также не проводить работы по благоустройству данной территории. Муниципальное образование в подобной ситуации должно вернуть полученное встречное предоставление, так как ничего не предоставило взамен. Также, поскольку решение о развитии застроенной территории и проведении аукциона принимал орган публичной власти, застройщик, полагавшийся на его действия, не может быть признан недобросовестным (*определение СКЭС ВС РФ от 06.08.20 № 301-ЭС19-25810*).

Достаточно часто арбитражными судами рассматриваются споры, связанные с нарушением обязательств в сфере жилищно-коммунальных услуг.

Так, отказ или уклонение собственника помещения в многоквартирном доме от заключения договора в целях исполнения своей обязанности по несению расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме не является основанием для освобождения его от внесения соответствующей платы (*определение СКЭС ВС РФ от 26.03.20 № 301-ЭС19-22897*).

В случае истечения межповерочного интервала недопустимо возлагать на проверяющих (сетевую организацию, гарантирующего поставщика) обязанность доказать наличие искажения прибором учета данных об объеме потребления, поскольку это приведет к освобождению потребителя от установленной законодательством обязанности своевременно проводить поверку данных приборов.

Вместе с тем потребитель, пропустивший срок поверки, не лишен возможности представить доказательства, опровергающие недостоверность ведения им учета и освобождающие от перерасчета объема потребленного ресурса. Так, если в последующем прибор учета будет признан пригодным для эксплуатации, предполагается, что прибор давал верные показания в период после истечения срока поверки до совершения таковой (пункт 17 статьи 2 Федерального закона от 26.06.08 № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений»).

Также судом отмечено, что в процессе эксплуатации приборов учета улучшения их технических характеристик, влияющих на результаты и показатели точности измерений, не происходит. Имеет значение, как своевременно были

предприняты потребителем действия по поверке приборов учета после получения соответствующего требования от сетевой организации (*определение СКЭС ВС РФ от 30.06.20 № 310-ЭС19-27004*).

Одним из распространенных видов гражданско-правовых договоров является **договор аренды**. В предусмотренных законом случаях право на заключение договора аренды предоставляется по результатам проведения торгов.

Как отмечает суд, добросовестный кредитор не обязан исследовать сложившиеся между третьим лицом и должником отношения, мотивы, побудившие должника поручить исполнение своего обязательства другому лицу, действительность перевода должником исполнения обязательства на третье лицо. Кредитор вправе принять как причитающееся с должника исполнение, предложенное третьим лицом, если кредитор не знал и не мог знать об отсутствии факта передачи обязательства третьему лицу. При этом исполнение обязательства не должно нарушать права и законные интересы должника.

С учетом этого, если поведение претендента свидетельствует о его намерении получить право аренды земельного участка без встречного предоставления (пункты 3–4 статьи 1, статья 10 ГК РФ), организатор торгов вправе не допускать его к участию в торгах.

Отсутствие у участника торгов денежных средств, необходимых для уплаты задатка, на момент проведения торгов не свидетельствует само по себе о его недобросовестности, поскольку следует полагать, что он сможет вносить арендную плату в дальнейшем исходя из получаемых им доходов и с учетом стоимости иного принадлежащего такому участнику имущества. В свою очередь, внесение задатка участником торгов не исключает риска того, что в дальнейшем этот участник после победы на торгах может утратить возможность исполнять свои обязательства, тем более при значительном сроке аренды (*определение СКЭС ВС РФ от 18.05.20 № 310-ЭС19-26858*).

Указанная практика основывается на принципах добросовестности и разумности участников гражданско-правовых отношений, которые предполагаются.

Ненадлежащим образом исполнять свои обязательства по договору аренды могут как арендодатель, так и арендатор.

Важно знать, что поведение арендатора, отказавшегося после прекращения договора аренды возвратить имущество и в отсутствие правовых оснований продолжающего пользоваться им, **не может быть защищено сроком исковой давности**. Право арендодателя требовать возврата имущества в данном случае бессрочно (*определение СКЭС ВС РФ от 14.07.20 № 306-ЭС19-24156*).

В подобной ситуации фактически заявляются требования о возврате имущества из чужого незаконного владения, которые не ограничиваются каким-либо сроком исковой давности (статья 208 ГК РФ).

В то же время согласно пункту 23 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 17.11.11 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» даже после уплаты долга арендатором арендодатель вправе в разумный срок предъявить иск о расторжении договора. Однако данное положение не означает безусловную обязанность суда удовлетворить такое требование (*постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.06.20 по делу № А83-8349/2019*). По всей видимости, все зависит от поведения арендатора и конкретных обстоятельств дела.

В арендных правоотношениях встречается и злоупотребление правом.

Для признания действий какого-либо лица злоупотреблением правом необходимо установить, что умысел такого лица был направлен на заведомо недобросовестное осуществление прав, **единственной его целью** было причинение вреда другому лицу (*постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.06.20 по делу № А19-12265/2019*).

Правоприменитель допускает законность ситуации, при которой поведение лица может быть частично как правомерным, так и злоупотреблением правом.

Согласно судебной практике одностороннее увеличение размера арендной платы не свидетельствует о наличии у арендодателя умысла на заведомо недобросовестное осуществление прав, если такое право было предусмотрено условиями договора (*постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.06.20 по делу № А19-12265/2019*).

Следует отметить тонкую грань между самовольными действиями субъекта, являющимися неправомерными, и предоставленной ему законной договорной свободой.

В большинстве случаев спор из договорных правоотношений приводит к прекращению отношений между сторонами, **расторжению договора**.

По своей правовой природе **расторжение договора**, влекущее прекращение правоотношений между сторонами, **является крайней мерой, применяемой к недобросовестному контрагенту**, когда иные средства воздействия исчерпаны и сохранение договорных отношений становится нецелесообразным и невыгодным для другой стороны.

Так, оплата ответчиком штрафа, предусмотренного договором, может служить основанием для отказа в удовлетворении иска его контрагента о расторжении договора. По мнению суда, в данном случае расторжение договора является **несоразмерной мерой ответственности** за нарушение обязательства

и не соответствует **балансу интересов сторон** (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.07.20 по делу № А56-96766/2019*).

В свою очередь, подача искового заявления о расторжении договора в судебном порядке, если ранее договор уже был расторгнут во внесудебном порядке, признается противоречивым поведением стороны в гражданском обороте. Отмечается, что действующее гражданское законодательство направлено на противодействие противоречивому и недобросовестному поведению субъектов хозяйственного оборота, не соответствующему обычной коммерческой честности (правило эстоппель), поскольку **никто не может противоречить собственному предыдущему поведению** (*решение Арбитражного суда Брянской области от 17.08.20 по делу № А09-5926/2020*).

Этот правовой принцип применен и в других судебных актах, например в *определении ВС РФ от 31.05.19 № 308-ЭС19-7148* и в *постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.07.18 по делу № А32-23363/2016*.

С расторжением договора тесно связано право стороны на отказ от него.

Как отметил суд на примере договора аренды, право на отказ от договоров, заключенных на неопределенный срок, является безусловным, не вызвано какими-либо нарушениями со стороны арендатора и обусловлено исключительно его волей на отказ от договора.

Установление в договорах штрафной санкции, подлежащей взысканию с арендатора только (исключительно) за досрочное расторжение договоров в одностороннем порядке, противоречит правовой природе неустойки как меры ответственности, применяемой за нарушение гражданских прав. Требование о взыскании с ответчика санкций за досрочное расторжение договора, предусмотренных в таком договоре, вступает в прямое противоречие с императивным предписанием ГК РФ, в связи с чем не подлежит удовлетворению (*определение СКЭС ВС РФ от 26.11.20 № 310-ЭС20-12742*).

Здесь также проявляется соотношение между договорной свободой и императивными требованиями закона.

При прекращении договорных отношений в случае возникновения судебного спора, как уже отмечалось выше, важно определить, кто является кредитором и должником по встречным обязательствам.

Например, покупатель может утратить интерес к поставке товара в связи с нарушением ее срока, в том числе когда продавец своевременно не уведомляет о готовности товара. Кроме того, после направления покупателем претензии с требованием о возврате денежных средств за товар продавец перестает нести ответственность за нарушение срока передачи товара в виде договорной неустойки.

Требование о возврате предварительной оплаты за товар в связи с нарушением срока поставки является надлежащим способом защиты

нарушенного права со стороны покупателя. Такое требование следует расценивать как отказ стороны, фактически утратившей интерес в получении причитающегося ей товара, от исполнения договора, что в соответствии с пунктом 2 статьи 450.1 ГК РФ влечет за собой установленные правовые последствия — расторжение договора.

Продавец, получивший предварительную оплату за товар, правомерно пользуется ею до момента встречного исполнения обязательства по поставке товара. Его обязанность возвратить полученную сумму предварительной оплаты наступает лишь после предъявления такого требования покупателем, право которого, в свою очередь, возникает в случае просрочки обязательства со стороны поставщика.

Если в условиях нарушения срока поставки товара покупатель не заявляет требование по возврату суммы предварительной оплаты, продавец не несет ответственности за неправомерное пользование такой суммой в виде уплаты процентов по статье 395 ГК РФ.

В случае же когда покупателем предъявляется требование о возврате суммы предварительной оплаты за товар, продавец становится должником по денежному обязательству и на сумму удержанного аванса могут быть начислены проценты за пользование чужими денежными средствами.

Согласно судебной позиции к спору между сторонами сделки по поставке медицинских масок, необходимых к ношению в период эпидемии, положения об освобождении от ответственности (в связи с распространением новой коронавирусной инфекции) не применимы (решение Арбитражного суда Кемеровской области от 18.09.20 по делу № А27-8837/2020).

При зачете взаимных требований из договора в целях урегулирования спора важно соблюсти процессуальные требования.

Статьей 410 ГК РФ предусмотрено, что обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил либо срок которого не указан или определен моментом востребования. В случаях, предусмотренных законом, допускается зачет встречного однородного требования, срок которого не наступил. Для зачета достаточно заявления одной стороны.

Из приведенной нормы права следует, что для зачета по одностороннему заявлению необходимо, чтобы встречные требования являлись однородными, срок их исполнения наступил. Предъявление встречного иска, направленного к зачету первоначальных исковых требований, является по сути тем же выражением воли стороны на зачет требования.

Порядок такого волеизъявления — подача искового заявления или направление заявления должнику/кредитору — не влияет на момент прекращения обязательства. В ином случае материальный момент признания

обязательства по договору прекращенным ставится в зависимость от процессуальных особенностей разрешения спора, на которые заявитель повлиять не может.

Гражданское и процессуальное законодательство не содержит указаний на разный момент прекращения обязательств внесудебным и судебным зачетом (*определение СКЭС ВС РФ от 25.08.20 № 310-ЭС20-2774*).

Такой правовой подход также был изложен в *определениях СКЭС ВС РФ от 16.08.18 № 305-ЭС18-3914 и от 12.12.19 № 305-ЭС19-12031*, в пункте 25 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2018), утвержденного Президиумом ВС РФ 26 декабря 2018 года.

В соответствии с требованиями закона сторона может быть освобождена от ответственности за нарушение обязательств по договору, если их неисполнение вызвано **обстоятельствами непреодолимой силы**. К таким обстоятельствам относятся случаи массового заболевания людей, актуальные для нашего времени.

Из анализа судебной практики следует, что обстоятельства непреодолимой силы в виде распространения новой коронавирусной инфекции не влекут за собой прекращение договорных отношений сторон, если одна из сторон исполнила свое обязательство, а вторая сторона такое исполнение приняла. При этом в данном случае сторона, принявшая исполнение по договору, должна возвратить все полученное по сделке.

В постановлении Пленума ВС РФ от 24.03.16 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» дано толкование содержащемуся в ГК РФ понятию обстоятельств непреодолимой силы.

В пункте 8 названного постановления разъяснено, что в силу пункта 3 статьи 401 ГК РФ для признания **обстоятельства непреодолимой силой** необходимо, чтобы оно **носило** чрезвычайный, непредотвратимый при данных условиях и **внешний по отношению к деятельности должника характер**. Требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях.

Если иное не предусмотрено законом, обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий, то есть одной из характеристик обстоятельств непреодолимой силы (наряду с чрезвычайностью и непредотвратимостью) является ее относительный характер.

Непреодолимой силой не могут быть признаны обстоятельства, наступление которых зависело от воли или действий стороны обязательства, например отсутствие у должника необходимых денежных средств, нарушение

обязательств его контрагентами, неправомерные действия его представителей (*решения Арбитражного суда города Москвы от 29.09.20 по делу № А40-126511/20-133-879, Арбитражного суда Липецкой области от 01.09.20 по делу № А36-4037/2020*).

На основании статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) должник обязан представить документальное обоснование невозможности своевременной поставки товара в связи с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, связанной с увеличением количества заболевших новой коронавирусной инфекцией, а также доказательства влияния ограничительных мер в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 на возможность поставить контрагенту спорный товар.

Сам по себе факт эпидемии не освобождает от исполнения обязательства по договору. Кроме того, по конкретному делу суд учел, что согласно электронной переписке сторон, содержащейся в материалах дела, должник в спорный период времени хозяйственную деятельность осуществлял, спорный товар им приобретался (*постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 12.10.20 по делу № А43-11624/2020*).

Применительно к нормам статьи 401 ГК РФ установление обязательных правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, запрет на передвижение транспортных средств, ограничение передвижения физических лиц, приостановление деятельности предприятий и учреждений, отмена и перенос массовых мероприятий, введение режима самоизоляции граждан и т. п. могут быть признаны обстоятельствами непреодолимой силы, если будет установлена причинная связь между этими обстоятельствами и неисполнением обязательства.

Например, если ответчик был фактически лишен возможности добровольно удовлетворить требования потребителя в результате действия обстоятельств непреодолимой силы, то во взыскании штрафа с ответчика за невыполнение требований потребителя в добровольном порядке следует отказать (*решение Люберецкого городского суда Московской области от 21.07.20 по делу № 2-3109/2020*).

Также в период действия режима повышенной готовности в целях соблюдения баланса интересов сторон и макроэкономических последствий, сохранения положения должника, сложившегося в результате мер, принимаемых в условиях пандемии, суд может предоставить ему отсрочку оплаты суммы долга.

При этом кредитор имеет право представлять доказательства, что должник в действительности не пострадал и с очевидностью не пострадает в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции и требования последнего об освобождении от уплаты

долга либо ее отсрочке являются **проявлением заведомо недобросовестного поведения**.

Действие обстоятельств непреодолимой силы может служить основанием для снижения неустойки за нарушение договорных обязательств.

С учетом позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ), выраженной в пункте 2 определения от 21.12.2000 № 263-О, положения пункта 1 статьи 333 ГК РФ о снижении договорной неустойки содержат обязанность суда установить баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности и **оценкой действительного, а не возможного размера ущерба**, причиненного в результате правонарушения.

Критериями для установления несоразмерности в каждом конкретном случае могут быть:

- 1) чрезмерно высокий процент неустойки;
- 2) значительное превышение суммы неустойки над суммой **ВОЗМОЖНЫХ УБЫТКОВ**, вызванных нарушением обязательств;
- 3) длительность неисполнения обязательств.

В данном разъяснении усматривается некоторое противоречие между действительным и возможным размером ущерба в целях определения суммы неустойки, которое, по всей видимости, должно толковаться в пользу должника.

Снижение размера неустойки является одним из предусмотренных законом **правовых способов**, которыми законодатель наделил суд в целях недопущения явной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства.

Степень соразмерности заявленной неустойки последствиям нарушения обязательства является оценочной категорией, в силу чего только суд вправе дать оценку указанному критерию, исходя из своего внутреннего убеждения и обстоятельств дела. Таким образом, в каждом конкретном случае суд оценивает возможность снижения неустойки с учетом индивидуальных обстоятельств спора и взаимоотношений сторон.

Сложившаяся правоприменительная практика исходит из того, что договорная неустойка не должна являться способом получения прибыли от контрагента и должна быть направлена на соблюдение баланса интересов сторон гражданско-правовой сделки. При определении подлежащей взысканию неустойки суд также учитывает отрицательные последствия, наступившие для кредитора в результате нарушения обязательства (*решение Арбитражного суда Ульяновской области от 09.11.20 по делу № А72-8680/2020*).

Интересно, что в данном случае суд расценивает причинение ущерба другой стороне в результате ненадлежащего исполнения обязательств по договору в качестве правонарушения.

Дела о банкротстве

Обширная судебная практика посвящена теме банкротства юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан. Значительную часть среди банкротных споров составляют дела об оспаривании сделок должника.

Задачей Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) является реальное приведение конкурсной массы в то состояние, которое существовало до совершения должником недействительной сделки (*определение СКЭС ВС РФ от 08.10.20 № 305-ЭС16-13099(79)*).

Любопытная практика имеется по теме определения судьбы заложенного имущества в ходе процедуры банкротства юридического лица.

В случае признания недействительной сделки по передаче предмета залога в качестве отступного залогодержатель обязан возвратить его в конкурсную массу должника, а должник в лице арбитражного управляющего — принять это имущество с восстановлением залога. В случае возврата имущества без сохранения обременения залогодержатель фактически утрачивает возможность получить максимальное удовлетворение своих требований за счет залогового имущества, что противоречит природе обеспечительных обязательств.

При этом залогодержатель вправе рассчитывать на удовлетворение его требований в составе третьей очереди. Понижения очередности удовлетворения требования для залогодержателя в данном случае не наступает (пункт 3 статьи 405 ГК РФ) (*определение СКЭС ВС РФ от 06.08.20 № 307-ЭС18-16859(3)*).

По смыслу пункта 6 статьи 138 Закона о банкротстве не допускается направление денежных средств, вырученных от продажи имущества должника, находящегося в залоге у одного кредитора, на компенсацию затрат на охрану иного имущества должника, находящегося в залоге у других кредиторов и нереализованного.

В противном случае кредитор, предмет залога которого реализован раньше, становится фактически вынужденным оплачивать расходы на охрану имущества за другого залогового кредитора; и наоборот, кредитор, предмет залога которого реализован позже, фактически освобождается от несения расходов на охрану имущества. Такой подход нельзя признать справедливым.

Согласно позиции суда в тех случаях, когда охрана различного имущества должника, находящегося в залоге у разных кредиторов, осуществляется на основании единого договора, такие расходы на охрану должны покрываться за счет средств, поступивших от реализации предметов залога, но с учетом принципа пропорционального распределения расходов между залоговыми кредиторами.

При этом пропорция может быть определена исходя из соотношения начальной стоимости предмета залога и общей начальной стоимости всего заложенного имущества должника, что позволит начать удовлетворение текущего требования охранной организации, не дожидаясь реализации всего заложенного имущества (*определение СКЭС ВС РФ от 02.10.20 № 309-ЭС19-20740(2)*).

Теперь перейдем к теме **субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц**, которой также уделяется значительное внимание в судебной практике.

ВС РФ отмечает, что судебное разбирательство о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по основанию невозможности погашения требований кредиторов должно в любом случае сопровождаться **изучением причин несостоятельности должника**. Удовлетворение подобного рода исков свидетельствует о том, что суд в качестве причины банкротства признал недобросовестные действия контролирующих лиц. И напротив, отказ в иске указывает на то, что в основе несостоятельности лежат иные обстоятельства, связанные с **объективными рыночными факторами**, либо на то, что принятая предприятием стратегия ведения бизнеса хотя и не являлась недобросовестной, но ввиду **сопутствующего ведению предпринимательской деятельности риска** не принесла желаемых результатов (*определение СКЭС ВС РФ от 30.09.19 № 305-ЭС19-10079*).

Ответственность лиц, контролирующих должника, перед внешними кредиторами наступает не за сам факт неисполнения (невозможности исполнения) управляемым ими обществом обязательства, а за их виновные действия (решения), не вызванные рыночными и иными объективными факторами и повлекшие нарушение обязательств управляемого ими юридического лица.

В связи с тем, что **субсидиарная ответственность представляет собой исключение из принципа ограниченной ответственности юридического лица**, а также принимая во внимание экстраординарный механизм защиты нарушенных прав кредиторов, требования о привлечении к ответственности не должны ограничиваться исключительно доводами или минимальным набором косвенных доказательств виновности контролирующих лиц. Не любое сомнение о намерении причинить вред кредитору (даже подтвержденное косвенными доказательствами) должно толковаться против ответчика. Такие сомнения должны с помощью согласующихся между собой доказательств ясно и убедительно подтверждать противоправность действий (решений) контролирующих лиц во вред кредитору.

Бремя доказывания наличия признаков недобросовестности или неразумности в поведении контролирующих юридическое лицо лиц возлагается законом на истца, заявившего требование о привлечении к ответственности

(пункты 1 и 2 статьи 53.1 ГК РФ) (*определение ВС РФ от 02.02.21 № 305-ЭС20-20172*).

В первую очередь лицом, несущим ответственность за деятельность юридического лица, является его руководитель.

Согласно судебной практике, наличия кредиторской задолженности, принимая во внимание постоянную динамику структуры активов и пассивов баланса, недостаточно для привлечения бывшего руководителя к субсидиарной ответственности за бездействие по подаче заявления о признании должника банкротом.

По конкретному делу суд указал, что, **если предоставленные по договорам займа денежные средства частично возвращались обратно должнику, намерения вывода активов должника не усматривается** (*постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.10.19 по делу № А51-655/2015*).

Само по себе исключение юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) в результате действий (бездействия), которые привели к такому исключению (отсутствие отчетности, расчетов в течение долгого времени), не является достаточным основанием для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц в соответствии с положениями, закрепленными в пункте 3.1 статьи 3 Федерального закона от 08.02.98 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Также согласно **принципам ограниченной ответственности и защиты делового решения** (пункт 1 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.17 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве») подобного рода ответственность не может предполагаться, даже в случае исключения организации из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа на основании статьи 21.1 Федерального закона от 08.08.01 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Судам следует устанавливать конкретные обстоятельства, свидетельствующие о наличии или отсутствии причинно-следственной связи между действиями руководителя и учредителя должника и тем, что долг перед кредитором не был погашен. Также подлежит исследованию вопрос о наличии или отсутствии признаков неразумности или недобросовестности в действиях руководителя должника (*определение СКЭС ВС РФ от 25.08.20 № 307-ЭС20-180*).

К теме ответственности контролирующих должника лиц можно отнести и следующее судебное толкование.

Если имущество должника незаконно получено бывшим руководителем и находится в его владении, надлежащими являются следующие способы защиты:

иск о признании недействительной сделки, на основании которой должник передал имущество руководителю, и о применении последствий ее недействительности в виде возврата этого имущества (статья 168 ГК РФ), виндикационный иск (статья 301 ГК РФ) и т. д.

При этом факт передачи должником права собственности (владения) на имущество по какой-либо сделке руководителю должен быть доказан. В противном случае не имеется оснований для возложения на бывшего руководителя обязанности возвратить упомянутое имущество.

При поступлении имущества бывшему руководителю в отсутствие договорных отношений с собственником (подконтрольным обществом) имущество может быть возвращено, если к моменту рассмотрения дела в суде оно фактически находилось во владении бывшего руководителя (пункт 32 постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.10 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»).

Если же в результате противоправных действий (бездействия) руководителя, не обеспечившего сохранность имущества, оно выбыло из собственности возглавляемой им организации и поступило третьим лицам, защита права должна осуществляться путем предъявления иска о возмещении руководителем убытков (пункт 1 статьи 53.1 ГК РФ) или о привлечении его к субсидиарной ответственности (если эти действия (бездействие) не только привели к убыткам, но и стали необходимой причиной банкротства; глава III.2 Закона о банкротстве) (*определение СКЭС ВС РФ от 08.10.20 № 305-ЭС20-1476(2)*).

ВС РФ высказался и по вопросу правового режима имущества, полученного руководителем должника в результате недобросовестных действий, в случае если такой гражданин умер.

Так, обязанность компенсировать свое негативное поведение (возместить кредиторам убытки), возникающая в результате привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, не является неразрывно связанной с личностью наследодателя.

Долг наследодателя, возникший в результате привлечения его к такой ответственности, входит в наследственную массу, то есть переходит по наследству. Иное толкование допускало бы возможность передавать наследникам имущество, приобретенное (сохраненное) наследодателем за счет кредиторов незаконным путем, предоставляя в то же время такому имуществу иммунитет от притязаний кредиторов, что является несправедливым.

При этом не имеет значения момент предъявления и рассмотрения иска о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности: до либо после его смерти. В последнем случае иск подлежит предъявлению либо к наследникам, либо к наследственной массе (при банкротстве умершего

гражданина — § 4 главы X Закона о банкротстве) и может быть удовлетворен только в пределах стоимости наследственного имущества (пункт 1 статьи 1175 ГК РФ).

Под долгами наследодателя понимаются не только обязательства с наступившим сроком исполнения, но и все иные обязательства наследодателя, которые не прекращаются его смертью. Соответственно, риск взыскания долга, связанного с привлечением к субсидиарной ответственности, также возлагается на наследников.

Субсидиарная ответственность, предусмотренная Законом о банкротстве, является самостоятельной (основной) ответственностью контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица.

Судам также следует учитывать, что после смерти наследодателя наследники не всегда имеют возможность объяснить причины управленческих решений наследодателя, они, как правило, не располагают полным набором доказательств, которые мог бы представить наследодатель, если бы он не умер. Следовательно, судам необходимо оказывать содействие в получении доказательств по правилам части 4 статьи 66 АПК РФ (*определение СКЭС ВС РФ от 16.12.19 № 303-ЭС19-15056*).

В продолжение темы о привлечении к ответственности стоит отметить, что получение дохода ниже объективного потенциала прибыли от производственной деятельности само по себе не является незаконным и находится в сфере ведения органов управления юридического лица (*постановление Президиума ВАС РФ от 04.12.12 № 8989/12*). С точки зрения законодательства о банкротстве такая деятельность приобретает недобросовестный характер в момент, когда она начинает приносить вред кредиторам, то есть когда поступления в имущественную массу должника становятся ниже его кредиторской нагрузки (*определение СКЭС ВС РФ от 25.09.20 № 310-ЭС20-6760*).

Приведем конкретные примеры, за что контролирующие должника лица привлекались к ответственности.

Так, согласно позиции суда деятельность по накоплению значительной долговой нагрузки перед кредиторами с последующим списанием ее через процедуру банкротства и созданием нового юридического лица, не обремененного долгами, нельзя признать добросовестной, поскольку она причиняет вред независимым кредиторам и создает необоснованные преимущества в виде освобождения от обязанности оплачивать долги.

Контролирующие и действующие с ними совместно лица не вправе злоупотреблять привилегиями, которые предоставляет возможность ведения бизнеса через юридическое лицо, намеренно причиняя вред независимым участникам оборота (статья 10 ГК РФ). Модель ведения бизнеса не должна

выходить за пределы предпринимательского риска и сопровождаться злоупотреблением корпоративной формой (*определение СКЭС ВС РФ от 25.09.20 № 310-ЭС20-6760*).

Контролирующие должника лица подлежат привлечению к ответственности, если смена юридического лица произведена формально, фактического изменения руководящего состава или фактического местоположения не произошло, контрагенты указанных обществ не изменились, обоими обществами осуществлялся один и тот же вид деятельности.

Также такая ответственность наступает, если был произведен перевод денежного потока с компании должника на вновь созданную компанию с целью уклонения от погашения задолженности, сформировавшейся непосредственно перед регистрацией нового юридического лица (*постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.05.20 по делу № А60-72617/2018*).

В другом примере к ответственности за доведение общества до банкротства были привлечены физические лица, которые распоряжались совместно более чем половиной долей уставного капитала, имели право назначать (избирать) руководителя должника, однако проявили небрежность и не предприняли каких-либо мер по назначению эффективного руководителя, в результате чего не была погашена образовавшаяся задолженность (*постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.10.20 по делу № А27-9347/2016*).

Центральной фигурой в банкротном производстве является **финансовый (арбитражный) управляющий**.

КС РФ в своих решениях (постановления от 22.07.02 № 14-П и от 19.12.05 № 12-П, определения от 17.07.14 № 1675-О, от 25.09.14 № 2123-О и др.) неоднократно указывал, что процедуры банкротства носят публично-правовой характер. В силу различных, зачастую диаметрально противоположных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и является публично-правовой целью института банкротства. Достижение этой публично-правовой цели призван обеспечивать арбитражный управляющий, наделяемый полномочиями, которые в значительной степени носят публично-правовой характер: он обязан принимать меры по защите имущества должника, анализировать финансовое состояние должника и т. д., действуя добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

Финансовый управляющий должен предпринимать меры, направленные на увеличение конкурсной массы должника-гражданина, в том числе посредством оспаривания в судебном порядке сделок, заключенных или исполненных должником. В то же время, толкуя категорию разумности и добросовестности поведения арбитражного управляющего, судебная практика признает, что **деятельность арбитражного управляющего по наполнению конкурсной**

массы должна носить рациональный характер, не допускающий бессмысленных формальных действий, влекущих неоправданное увеличение расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, и прочих текущих платежей, в ущерб конкурсной массе и интересам кредиторов. Однако **не всякое оспаривание может привести к положительному для конкурсной массы результату**.

В связи с этим судебной практикой подтверждается, что бездействие арбитражного управляющего в отношении оспаривания бесперспективных сделок разумно и рационально и по общему правилу не может быть признано противоправным (*определение СКЭС ВС РФ от 29.01.20 № 308-ЭС19-18779(1,2)*).

Предметом рассмотрения судебной практики является компетенция арбитражного управляющего.

Так, правовые нормы о банкротстве гражданина (пункт 2 статьи 213.26 Закона о банкротстве) не обязывают финансового управляющего проводить экспертную оценку имущества должника.

Кроме того, как отмечается судом, экспертная оценка не может корректно отображать рыночную стоимость имущества, поскольку она носит предварительный, предположительный характер. Ее результат в идеале менее достоверен, чем цена, определенная по факту по результатам открытых торгов, то есть собственно рынка как такового. Применение оценочной цены не решает проблему несовершенства методик оценки, качества используемых исходных данных, субъективного фактора в оценке стоимости имущества или возможных злоупотреблений, связанных как с завышением, так и с занижением цены (*определение СКЭС ВС РФ от 04.06.20 № 306-ЭС19-22343*).

Одной из задач конкурсного управляющего является реализация имущества должника на торгах.

Арбитражный суд отмечает, что **торги — это специфическая форма торговли**, заключающаяся в реализации имущества посредством проведения конкурса или аукциона, которая **отличается** от реализации имущества по прямым договорам **наличием в ней элемента состязательности**, предполагающего заключение договора купли-продажи с тем участником торгов, который предложит наивысшую цену или наиболее благоприятные условия реализации товара.

Деятельность конкурсного управляющего, утвержденного по инициативе кредиторов (собрания кредиторов), очень часто встречает противодействие со стороны лиц, контролирующих должника (в том числе бывших руководителей), не заинтересованных в проведении эффективной процедуры банкротства, действительной реализации имущества должника-банкрота и проверке добросовестности их действий. С учетом этого в ходе процедуры банкротства контролирующие должника лица не вправе выступать как в интересах

кредиторов, так и в интересах юридического лица (*определение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 04.09.20 по делу № А75-18996/2018*).

В предусмотренных законом случаях арбитражный управляющий может быть привлечен к ответственности.

Административным правонарушением по статье 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) может быть признано уклонение арбитражного управляющего от реализации права на оспаривание сделок в ситуации, когда это было необходимо для защиты интересов должника и его кредиторов и упомянутая необходимость являлась ясной для арбитражного управляющего либо должна была стать таковой. Вина арбитражного управляющего в этом случае имеет место, если допущенное им бездействие не было обусловлено разумными причинами или носило намеренный характер.

В целях квалификации поведения арбитражного управляющего учитываются следующие обстоятельства:

- 1) наличие достаточной совокупности оснований для оспаривания сделок (установленных законом признаков подозрительности сделок и т. п.);
- 2) были ли эти основания известны арбитражному управляющему либо должны были стать известными при должном исполнении им своих обязанностей;
- 3) могла ли реализация арбитражным управляющим полномочий на оспаривание сделки привести к пополнению конкурсной массы, защите прав и законных интересов должника и кредиторов;
- 4) имелись ли у арбитражного управляющего рациональные причины для отказа от оспаривания сделок.

При этом возможность реструктуризации долгов в процедурах банкротства (статьи 213.11–213.22 Закона о банкротстве) не влияет на необходимость оспаривания сделок должника, нарушающих права кредиторов. Обязанность финансового управляющего применять меры для наполнения конкурсной массы (в том числе посредством получения стоимости отчужденного имущества в порядке применения последствий недействительности сделок) не отменяется (*определение СКЭС ВС РФ от 16.11.20 № 307-ЭС20-11632*).

С темой банкротства связано **право** участников юридического лица **на получение информации** о деятельности общества в той мере, в какой такое право позволяет принять своевременные меры по недопущению неплатежеспособности организации.

Участник хозяйственного общества имеет право на получение информации об обществе согласно статье 67 ГК РФ.

По пункту 4 статьи 91 Федерального закона от 26.12.95 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» в требовании акционера (акционеров) о

предоставлении документов и информации должна быть указана **деловая цель**, с которой запрашиваются документы. При этом цель должна быть разумной.

Деловая цель, ее разумность, а также обоснованность интереса акционера в получении информации должны быть связаны с реализацией соответствующих корпоративных прав. В частности, деловая цель, с которой запрашивается документ, является разумной, если она состоит в подготовке акционера (акционеров) к общему собранию акционеров или к обжалованию решения органа общества, оспариванию сделки общества, возмещению причиненных обществу или акционеру убытков.

При этом **суды не вправе вторгаться в автономию воли акционера** (пункт 2 статьи 1 ГК РФ) и **давать оценку разумности его деловых решений** относительно намерения осуществить его корпоративные права, для реализации которых он запрашивает информацию. В случае отказа в предоставлении информации общество должно мотивировать свой вывод об отсутствии у акционера разумного делового интереса или необоснованности интереса акционера в получении информации в официальном ответе (пункт 9 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах»). В случае отсутствия такого ответа позиция общества должна быть раскрыта в ходе судебного разбирательства.

Согласно пункту 4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 18.01.11 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» участники общества должны определять предмет своего требования, конкретизировав перечень и виды запрашиваемой информации или документов. Однако степень такой конкретизации, определяемая судом, не должна препятствовать реальной возможности осуществления участником общества своих прав (*определение СКЭС ВС РФ от 03.09.20 № 305-ЭС20-4519*).

Также необходимо отметить, что такие категории, как деловая цель, ее разумность, обоснованность в целях истребования информации, являются вопросами права, разрешаются судом, а не привлекаемыми в ходе рассмотрения дела финансовым экспертом или специалистами.

Получение информации о деятельности общества позволяет его участнику оспаривать совершаемые юридическим лицом сделки.

Введение конкурсного производства в отношении общества-банкрота не препятствует акционеру оспаривать сделку этого общества по общим основаниям.

Во-первых, как указал ВС РФ, таких ограничений не установлено ни в Законе о банкротстве, ни в иных законах и прямо из них не следует.

Во-вторых, даже при банкротстве акционерного общества не исключается возможность оспаривания его сделок в общем порядке, то есть вне рамок дела о банкротстве. Так, в пункте 17 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.10 № 63

«О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“» разъяснено, что в исковом порядке с соблюдением общих правил о подведомственности и подсудности подлежат рассмотрению заявления о признании сделок должника недействительными по общим основаниям, предъявляемые другими, помимо арбитражного управляющего, лицами.

В-третьих, не усматривается каких-либо политико-правовых мотивов для истолкования закона таким образом, чтобы в условиях конкурсного производства лишить акционера права на оспаривание сделок своего общества. **Интересы акционера по восстановлению имущественной массы акционерного общества не противоречат ни интересам конкурсных кредиторов по наполнению конкурсной массы должника, ни целям конкурсного производства.** Напротив, за счет возвращенного по оспоренной сделке имущества акционер может рассчитывать на удовлетворение требований кредиторов и только впоследствии на возврат своего общества к платежеспособному состоянию или на ликвидационную квоту должника (статья 148 Закона о банкротстве) (*определение СКЭС ВС РФ от 05.10.20 № 303-ЭС20-5380*).

Получение информации о деятельности организации является не только правом, но и обязанностью руководителя, а также контролирующих ее лиц.

Пока не доказано иное, должник признается несостоятельным (банкротом) вследствие действий и (или) бездействия контролирующих лиц при наличии одного из следующих обстоятельств:

1) причинен вред имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника;

2) документы бухгалтерского учета и (или) отчетности к моменту введения наблюдения (либо ко дню назначения временной администрации финансовой организации) или принятия решения о признании должника банкротом отсутствуют или не содержат предусмотренной законом информации об объектах либо указанная информация искажена, в результате чего существенно затруднено проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе формирование и реализация конкурсной массы.

В судебной практике отмечается, что участник общества должен занимать **активную позицию** в отношении деятельности общества, то есть в определенный момент времени он может не располагать информацией о деятельности и сделках общества, однако он имеет реальную возможность узнать об этом посредством реализации права на получение информации о деятельности общества (ознакомление с бухгалтерской и иной документацией), а также права на участие в управлении делами общества (требование о созыве внеочередного общего собрания участников и др.).

Если участник владеет 50% уставного капитала должника, устраняется от контроля за финансово-хозяйственной деятельностью последнего, не проявляет должной степени заботливости и осмотрительности для надлежащего исполнения обязанности по контролю за деятельностью общества, в силу положений статей 15, 401 ГК РФ он несет ответственность за бездействие, которое привело к нерациональной хозяйственной деятельности и невозможности расчетов с кредитором, к признанию общества несостоятельным (банкротом).

По конкретному делу суд отклонил доводы учредителя общества о том, что нормы Закона о банкротстве исключают возможность привлечения его к субсидиарной ответственности за бездействие. В противном случае учредитель, имеющий право осуществлять контроль за деятельностью юридического лица, самоустраняясь от хозяйственной деятельности организации, сохраняя при этом право на получение дохода в период финансовой стабильности, освобождается от какой-либо имущественной ответственности перед кредиторами за принятие **неразумных экономических решений** выбранным им руководителем, что противоречит принципам привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности (*постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08.04.19 по делу № А37-205/2015*).

Не всякий участник общества выполняет такую роль, которая позволяет привести организацию к несостоятельности.

ВС РФ указывает, что при установлении причинно-следственной связи между поведением контролирующего лица и банкротством должника необходимо принимать во внимание следующее:

1) наличие у такого лица возможности оказывать **существенное влияние** на деятельность должника (например, такая возможность отсутствует у рядовых сотрудников, менеджмента среднего звена, миноритарных акционеров и т. д., при условии, что формальный статус этих лиц соответствует их роли и выполняемым функциям);

2) **реализация** контролирующим лицом соответствующих полномочий привела (ведет) к негативным для должника и его кредиторов последствиям; масштаб негативных последствий соотносится с масштабами деятельности должника, то есть способен кардинально изменить структуру его имущества в качественно иное — банкротное состояние (однако не могут быть признаны в качестве оснований для субсидиарной ответственности действия по совершению хоть и не выгодных, но несущественных по своим размерам и последствиям для должника сделок);

3) контролирующее лицо является инициатором такого поведения и (или) потенциальным выгодоприобретателем возникших в связи с этим негативных последствий.

Статус члена совета директоров предполагает наличие возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника. В то же время **одобрение** одним из членов совета директоров (либо иного коллегиального органа) существенно убыточной **сделки** само по себе **не является достаточным для** признания его вины в невозможности погашения требований кредиторов и **привлечения к субсидиарной ответственности. К ответственности подлежит привлечению то лицо, которое инициировало совершение подобной сделки и (или) получило (потенциальную) выгоду от ее совершения.** В таких случаях необходимо определять степень вовлеченности каждого из предполагаемых нарушителей в процесс вывода актива должника и их осведомленности о причинении данными действиями значительного вреда его кредиторам *(определение СКЭС ВС РФ от 22.06.20 по делу № 307-ЭС19-18723(2,3)).*

Должность главного бухгалтера сама по себе не предполагает наличия контроля над должником, однако не исключается возможность применения положений статьи 1080 ГК РФ о соучастии главного бухгалтера в гражданско-правовом нарушении совместно с контролирующими должника лицами *(определение ВС РФ от 27.11.19 № 305-ЭС19-21244).*

В целях финансового оздоровления бизнеса в непростых современных условиях вводится **мораторий на возбуждение дел о банкротстве**, который, как отмечается судом, распространяется не на всех должников, а лишь на должников, осуществляющих деятельность в отраслях, наиболее пострадавших от новой коронавирусной инфекции *(постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 24.08.20 по делу № А51-7121/2020).*

Мораторий как мера поддержки распространяется в основном на холдинги.

Если в отношении одного из участников холдинга вводится процедура банкротства, цель поддержки данного юридического образования не будет достигнута *(постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 12.08.20 по делу № А27-13619/2020).*

Для применения моратория в отношении юридического лица не требуется представления доказательств его предбанкротного состояния. Мерой поддержки может служить и снижение взыскиваемой договорной неустойки.

В то же время невозможность исполнения обязательства вследствие тяжелого финансового положения, наличие задолженности перед другими кредиторами, наложение ареста на денежные средства или иное имущество, отсутствие бюджетного финансирования, неисполнение обязательств контрагентами, добровольное погашение долга полностью или в части на день рассмотрения спора, выполнение социально значимых функций, наличие у должника обязанности по уплате процентов за пользование денежными средствами (например, на основании статей 317.1, 809, 823 ГК РФ) сами по себе

не могут служить основанием для снижения неустойки как меры поддержки бизнеса.

Согласно постановлению Президиума ВАС РФ от 13.01.11 № 11680/10 **в случае необоснованного уменьшения неустойки с экономической точки зрения должник получает доступ к финансированию за счет другого лица на нерыночных условиях**, что в целом может стимулировать недобросовестных должников к неплатежам. Неисполнение должником денежного обязательства позволяет ему пользоваться чужими денежными средствами, однако **никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения** (*решение Арбитражного суда Ростовской области от 02.09.20 по делу № А53-17581/2020*).

Процессуальные вопросы

Рассматривая актуальную судебную практику, необходимо также уделить внимание некоторым важным для арбитражного судопроизводства процессуальным вопросам.

По смыслу статьи 65 АПК РФ формирование предмета доказывания в ходе рассмотрения конкретного спора, а также определение источников, методов и способов собирания объективных доказательств о фактических обстоятельствах дела является **исключительной прерогативой суда**, рассматривающего спор по существу.

Исходя из этого, суд установил, что исполнение обязательств по договору сторонами официально не приостановлено, и указал, что невозможность использования помещений для предпринимательской деятельности в период нерабочих дней не освобождает должника от исполнения обязательств по договору (*постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда 24.12.20 по делу № А45-11448/2020*).

Важной функцией суда является создание предпосылок для примирения сторон спора.

Из постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.14 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе», а также постановления Президиума ВАС РФ от 22.03.11 № 13903/2010 следует, что утвержденное судом **мировое соглашение** по своей природе является таким **процессуальным способом урегулирования спора**, который основывается на примирении сторон на взаимоприемлемых условиях, что **влечет за собой ликвидацию спора о праве в полном объеме**. Отсутствие в тексте мирового соглашения условий о необходимости выполнения каких-либо дополнительных обязательств означает соглашение сторон о полном прекращении гражданско-правового конфликта. Стороны теряют право на выдвижение новых требований (эстоппель),

вытекающих как из основного обязательства, так и из дополнительных по отношению к основному обязательств.

Например, условия мирового соглашения об отсрочке исполнения финансовых обязательств по спорному договору не могут быть изменены путем выдвигания новых требований о предоставлении дальнейшей рассрочки исполнения судебного акта. Отмечается, что при предоставлении одной из сторон преимуществ, отличающихся от условий мирового соглашения, будет нарушен баланс интересов сторон, достигнутый посредством заключения мирового соглашения на взаимоприемлемых условиях.

Также по конкретному делу правоприменителем было учтено, что должник обратился в арбитражный суд с заявлением о предоставлении рассрочки уже после истечения сроков, установленных мировым соглашением (*постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.10.20 по делу № А32-3565/2020*).

В сфере производства по делам об административных правонарушениях у суда имеется **право освободить лицо от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного деяния (статья 2.9 КоАП РФ)**.

По смыслу данной статьи оценка малозначительности деяния должна соотноситься с характером и степенью общественной опасности, причинением вреда либо с угрозой причинения вреда личности, обществу или государству. Таким образом, административные органы обязаны установить не только формальное сходство содеянного с признаками того или иного административного правонарушения, но и решить вопрос **о социальной опасности деяния**.

Стоит отметить, что термин «общественная опасность» применим только к преступлениям.

Категория малозначительности относится к числу оценочных, в связи с чем определяется в каждом конкретном случае исходя из обстоятельств совершенного правонарушения. Оценка возможности применения статьи 2.9 КоАП РФ является самостоятельным этапом судебного исследования по делу, законодатель предоставил правоприменителю право оценки факторов, характеризующих понятие малозначительности (*решение Арбитражного суда Иркутской области от 10.08.20 по делу № А19-10078/2020*).

В то же время имеются составы административных правонарушений, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными.

Так, в сфере подведомственности судов общей юрисдикции, к примеру, ими являются управление транспортным средством в состоянии опьянения либо отказ водителя от прохождения медицинского освидетельствования (статьи 12.8, 12.26 КоАП РФ).

В сфере подведомственности арбитражных судов к таким составам относится заключение антиконкурентного соглашения (статья 14.32 КоАП РФ), поскольку оно предполагает сознательное и намеренное поведение лица, рассматриваемое законодателем как потенциально опасное для всех сфер общественных отношений (*решение Арбитражного суда Республики Тыва от 09.06.20 по делу № А69-3152/18*).

За несвоевременное выполнение требований исполнительного документа законодательством предусмотрена мера ответственности в виде уплаты в доход государства **исполнительского сбора**.

Судебное толкование исполнительского сбора содержится в следующем примере.

Исполнительский сбор является мерой принуждения в связи с несоблюдением законных требований государства. Причем данная мера является не правовосстановительной санкцией, обеспечивающей возмещение расходов по совершению исполнительных действий, а представляет собой санкцию штрафного характера. На должника возлагается обязанность произвести определенную дополнительную выплату в качестве меры его публично-правовой ответственности в связи с совершенным им правонарушением в процессе исполнительного производства (*постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 12.08.20 по делу № А27-13619/2020*).

То есть неуплата исполнительского сбора является нарушением не частного, а публичного права.

И даже в сфере уплаты исполнительского сбора возможен учет обстоятельств непреодолимой силы.

Судебный пристав-исполнитель обязан предоставить должнику возможность доказать, что:

- 1) нарушение установленного срока выполнения требований исполнительного документа вызвано чрезвычайными, объективно непредотвратимыми обстоятельствами и другими непредвиденными, непреодолимыми препятствиями, находящимися вне его контроля;

- 2) должником соблюдалась та степень заботливости и осмотрительности, какая требовалась в целях надлежащего исполнения обязанности. Обеспечением вышеуказанной возможности служит своевременное получение должником постановления о возбуждении исполнительного производства, в котором указывается срок для добровольного исполнения требований исполнительного документа.

Также согласно постановлению КС РФ от 30.07.01 № 13-П установленный законом размер исполнительского сбора представляет собой лишь допустимый его максимум, верхнюю границу. При этом исполнительский сбор с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных

обстоятельств может быть снижен правоприменителем (*решение Арбитражного суда города Севастополя от 03.08.20 по делу № А84-2282/2020*).

Процессуальные вопросы охватывают также тему взыскания **судебных издержек**.

Согласно пункту 26 постановления Пленума ВС РФ от 21.01.16 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» отказ от иска является правом, а не обязанностью истца. Возмещение судебных издержек истцу не может быть поставлено в зависимость от заявления им отказа от иска. Следовательно, в случае добровольного удовлетворения исковых требований ответчиком на стадии судебного разбирательства и принятия судебного решения по такому делу судебные издержки также подлежат взысканию с ответчика (*решение Арбитражного суда Свердловской области от 24.08.20 по делу № А60-28212/2020*).

При этом, по всей видимости, в ходе определения размера подлежащих взысканию судебных издержек необходимо принимать во внимание погашение ответчиком долга.

Так, в одном из судебных дел в качестве злоупотребления правом расценены действия ответчика по взысканию судебных расходов по частично удовлетворенному иску, поскольку признана правомерность обращения истца с исковыми требованиями. Участник общества вправе применительно к пункту 4 статьи 1044 ГК РФ (с учетом правовой позиции, сформулированной в *определении СКЭС ВС РФ от 11.06.20 № 306-ЭС19-24912*) обратиться к обществу, в защиту интересов которого им был предъявлен иск, с требованием о компенсации расходов на действия, осуществленные в защиту интересов общества, в том числе понесенных судебных расходов, если докажет необходимость таких действий для общества и разумность размера понесенных расходов (*определение СКЭС ВС РФ от 14.07.20 № 309-ЭС18-12370*).

Так же как и судебные издержки, суд вправе уменьшить подлежащую взысканию с должника неустойку.

В то же время согласно позиции ВС РФ **должник, добровольно до судебного решения уплативший кредитору неустойку, не вправе требовать снижения суммы такой неустойки на основании статьи 333 ГК РФ (подпункт 4 статьи 1109 ГК РФ)**, за исключением случаев, если им будет доказано, что перечисление неустойки являлось недобровольным, в том числе в связи со злоупотреблением кредитором своим доминирующим положением (*определение СКЭС ВС РФ от 20.05.20 № 305-ЭС19-25950*).

К процессуальным можно отнести **вопрос возмещения** в гражданско-правовом порядке **вреда**, причиненного субъектам частного права **со стороны государственных органов**. Однако не всякое действие публичных органов расценивается как причиняющее вред.

Так, в силу взаимосвязанных положений статей 22, 39, 44 Федерального закона от 26.07.06 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» проверка антимонопольным органом поступивших материалов (обращений, заявлений) на наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства не может рассматриваться в качестве незаконной. При такой проверке, как отметил суд, не устанавливается наличие или отсутствие факта нарушения антимонопольного законодательства, а проверяются **подозрения в совершении нарушения**.

Если проверка антимонопольного органа повлекла для соответствующего субъекта неблагоприятные имущественные последствия, это не свидетельствует о противоправности поведения антимонопольного органа и не является достаточным основанием для возмещения вреда проверяемому лицу (*определение СКЭС ВС РФ от 20.07.20 № 308-ЭС19-28062*).

Процессуальным является также вопрос о **досудебном порядке урегулирования спора**, в том числе о подаче досудебной претензии контрагенту.

Досудебный порядок разрешения споров служит целям добровольной реализации гражданско-правовых обязательств без участия специальных государственных органов. Совершение спорящими сторонами обозначенных действий после нарушения (оспаривания) субъективных прав создает условия для урегулирования возникшей конфликтной ситуации еще на стадии возникновения спора, то есть **стороны могут ликвидировать зарождающийся конфликт**, согласовав между собой все спорные моменты, вследствие чего не возникает необходимость в судебном разрешении такого спора.

При наличии реальной возможности исчерпания конфликта и воли сторон на это исковое заявление может быть оставлено судом без рассмотрения. Если же имеются доказательства, свидетельствующие о невозможности досудебного урегулирования, иск подлежит рассмотрению в суде. В последнем случае, как отмечается судом, оставление иска без рассмотрения приведет к необоснованному затягиванию разрешения возникшего спора (*постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.06.20 по делу № А75-16489/2019*).

Согласно Обзору судебной практики ВС РФ № 4 (2015), утвержденному Президиумом ВС РФ 23 декабря 2015 года, по смыслу пункта 8 части 2 статьи 125, части 7 статьи 126, пункта 2 части 1 статьи 148 АПК РФ **претензионный порядок урегулирования спора** в судебной практике рассматривается в качестве способа, позволяющего добровольно без дополнительных расходов на уплату госпошлины со значительным сокращением времени восстановить нарушенные права и законные интересы. Такой порядок урегулирования спора **направлен на его оперативное разрешение и служит дополнительной гарантией защиты прав**. Следовательно, он выгоден для общества и государства.

Далее рассмотрим применение досудебного порядка к отдельным категориям споров.

Так, процедура несостоятельности (банкротства) как правовой институт направлена на защиту неограниченного числа экономических субъектов, с которыми **должник**, обладающий признаками неплатежеспособности, **может создать новые хозяйственные связи** и, будучи не в состоянии исполнить взятые обязательства, **нанести ущерб** не только им, но и **всему гражданскому обороту**. В результате использования предусмотренных Законом о банкротстве механизмов из экономики временно или в случае их ликвидации навсегда исключаются неплатежеспособные субъекты, что служит оздоровлению рынка и минимизации финансовых потерь кредиторов. Именно поэтому **положения Закона о банкротстве не предусматривают обязательного претензионного порядка в отношении заявлений о признании несостоятельным**. В то же время с целью защиты иных участников экономической деятельности в соответствии с пунктом 2.1 статьи 7 Закона о банкротстве подлежит опубликованию уведомление должника о намерении обратиться с заявлением о признании себя банкротом, которое включается в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц.

В практике также отмечается, что мораторий на банкротство как мера адресной государственной поддержки в условиях ухудшения ситуации вследствие распространения новой коронавирусной инфекции никаким образом не связан с досудебным урегулированием спора (*постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.07.20 по делу № А40-54877/2020*).

Как и законодательство о банкротстве, Налоговый кодекс Российской Федерации не содержит специальных требований об обязательной досудебной процедуре урегулирования споров по искам налогоплательщиков о возврате (возмещении) сумм налогов, пеней, штрафа. В соответствии с пунктом 2 статьи 138 Налогового кодекса Российской Федерации досудебный (административный) порядок урегулирования споров предусмотрен только для случаев обращения налогоплательщика в суд с требованием о признании недействительными актов ненормативного характера, оспаривании действий (бездействия) налоговых органов.

В судебной практике указано, что **установление в законе обязательного досудебного порядка рассмотрения спора является административным барьером для доступа к правосудию**. Соответственно, наличие такого барьера должно четко и однозначно следовать из законодательства и практики его применения.

Если налогоплательщиком поданы одновременно два требования, одно из которых об оспаривании акта налогового органа, а другое — о возврате налога, первое в случае несоблюдения обязательного досудебного порядка подлежит

оставлению без рассмотрения, а второе должно быть принято к производству и разрешено (*определение СКЭС ВС РФ от 16.06.20 № 307-ЭС19-23989*).

Налоговые споры

В заключение рассмотрим судебную практику по налоговым спорам.

По данной теме отмечается, что собственники земельных участков, которые не имели объективных препятствий в осуществлении жилищного строительства, но уклонились от освоения земельного участка либо изначально не имели намерения по его освоению, не должны извлекать налоговую выгоду от такого поведения. Вместе с тем при применении правил налогообложения необходимо учитывать возможность налогоплательщика приступить к началу строительства на земельном участке и завершить его в соответствующие сроки с учетом объема требуемых работ.

Земельный налог не должен принимать характер санкции, выражающейся в установлении более обременительных условий налогообложения в отсутствие к тому разумных и объективных оснований, то есть, по существу, приводить к **произвольному налогообложению**, запрещенному в силу пункта 3 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации.

Также в соответствии с правовой позицией КС РФ, выраженной в частности в постановлениях от 02.07.13 № 17-П, от 21.12.18 № 47-П, от 30.06.20 № 31-П, взимание и уплата налогов не должны сдерживать хозяйствующих субъектов от участия в гражданском обороте в отсутствие к тому правовых оснований и произвольно ограничивать свободу их экономической деятельности.

Например, застройщик не должен нести более высокое бремя налогообложения в связи с самим фактом выбора юридической формы осуществления жилищного строительства в рамках развития территорий. В ином случае налицо противоречие как целям установления особого порядка определения налоговой базы, так и реализуемому в рамках градостроительного законодательства публичному интересу, связанному с развитием территорий (*определение СКЭС ВС РФ от 15.10.20 № 309-ЭС20-11143*).

Интересна позиция суда, выработанная по вопросу вычета по налогу на добавленную стоимость (НДС). Здесь, как и во многих других случаях, учитывается добросовестность участника правоотношений, в конкретном примере — налогоплательщика.

Судом отмечается, что право налогоплательщика на налоговый вычет не может быть поставлено в зависимость от исполнения непосредственными контрагентами (продавцами, поставщиками) и предшествующими им лицами своей обязанности по уплате НДС, а также от финансово-экономического положения и поведения других лиц.

Лишение права на вычет НДС налогоплательщика-покупателя, который не преследовал цель уклонения от налогообложения, не знал и не должен был знать о допущенных его контрагентами нарушениях, по существу, означало бы применение к нему меры имущественной ответственности за неуплату налогов, допущенную иными лицами, в том числе и при искажении ими фактов своей хозяйственной деятельности. В данном случае налогоплательщик-покупатель не имел возможности предотвратить эти нарушения и (или) избежать наступления их последствий.

При этом необходимо выяснить следующие обстоятельства:

- 1) реальность приобретения товаров (работ, услуг) налогоплательщиком для осуществления своей облагаемой налогом деятельности;
- 2) преследовал ли налогоплательщик-покупатель цель уклонения от налогообложения в результате согласованных с иными лицами действий;
- 3) в отсутствие такой цели — знал или должен ли был знать налогоплательщик-покупатель о допущенных этими лицами нарушениях.

При выборе контрагента субъекты предпринимательской деятельности, как правило, оценивают не только условия сделки и их коммерческую привлекательность, но и деловую репутацию, платежеспособность контрагента, риск неисполнения обязательств и предоставление обеспечения их исполнения, наличие у контрагента необходимых ресурсов (производственных мощностей, технологического оборудования, квалифицированного персонала) и соответствующего опыта; а при совершении значимых сделок, например по поводу дорогостоящих объектов недвижимости, изучают историю взаимоотношений предшествующих собственников и принимают тому подобные меры.

В случае недобросовестности имеет значение то, были ли вышеуказанные обстоятельства ясны налогоплательщику-покупателю в конкретной ситуации совершения сделки с поставщиком с учетом характера и объемов деятельности покупателя. Учитываются:

- 1) размер сделки и регулярность совершения аналогичных сделок;
- 2) специфика приобретаемых товаров, работ и услуг (наличие специальных требований к исполнителю, в том числе лицензий и допусков к выполнению определенных операций);
- 3) особенности коммерческих условий сделки (наличие значимого отклонения цены от рыночного уровня, наличие у поставщика предшествующего опыта исполнения аналогичных сделок) и т. п.

Критерии проявления должной осмотрительности не могут быть одинаковыми для случаев ординарного пополнения материально-производственных запасов и в ситуациях, когда налогоплательщиком приобретается дорогостоящий актив либо привлекается подрядчик для выполнения существенного объема работ. Если контрагент покупателя не имел

экономических ресурсов (материальных, финансовых, трудовых и т. п.) для исполнения договора и фактически договор был исполнен иными лицами, можно полагать, что покупатель **не проявил должной осмотрительности при выборе контрагента**, пока не будет доказано иное.

Если же контрагент обладает экономическими ресурсами, достаточными для исполнения сделки самостоятельно либо с привлечением третьих лиц, представляет бухгалтерскую и налоговую отчетность, отражающую наличие указанных ресурсов, разумно действующий налогоплательщик-покупатель имеет основания ожидать, что сделка этим контрагентом будет исполнена надлежащим образом, а налоги при ее совершении — уплачены в бюджет. В подобной ситуации предполагается, что выбор контрагента отвечал условиям делового оборота, пока иное не будет доказано налоговым органом (*определение СКЭС ВС РФ от 14.05.20 № 307-ЭС19-27597*).

Также ВС РФ отмечено, что расходы в связи со сбором доказательств для опровержения позиции налогового органа о совершении налогового правонарушения, а также издержки на оплату юридической или иной экспертной помощи в целях формирования правовой позиции являются обычными расходами, которые несет налогоплательщик как субъект экономической деятельности. Данная деятельность должна осуществляться в границах установленного правового регулирования, что предполагает необходимость оценки ее субъектами соответствия требованиям закона как принимаемых ими решений, так и требований государственного органа.

Сама по себе отмена решения налоговой инспекции вышестоящим налоговым органом не означает, что имеются условия для возмещения государством вреда налогоплательщику. Для возникновения такой ответственности необходимо установить, имело ли место со стороны налогового органа невыполнение публичных обязанностей, в результате которого налогоплательщик в ходе обжалования решения налогового органа был вынужден нести дополнительные (чрезмерные) расходы, направленные, по сути, на исправление нарушений, носивших заведомый характер и ставших причиной неправомерного начисления налоговых платежей (*определение СКЭС ВС РФ от 20.07.20 № 306-ЭС19-27836*).

Подводя итог вышеизложенному, стоит отметить, что на арбитражные суды возлагается значительная нагрузка с учетом количества и разнообразия рассматриваемых ими дел. Усложнение общественных и экономических отношений приводит к тому, что при разрешении конкретного спора необходимо анализировать и применять не только специальные нормы права, но и общие положения, а также нормы, регулирующие смежные правовые институты. Представляется, что такой комплексный подход будет способствовать достижению целей арбитражного правосудия, эффективной и полноценной

защите прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства.